

A woman with dark hair, wearing a white, shiny, double-breasted suit with a wide collar and a deep V-neckline, is sitting at a dark wooden desk. She is looking directly at the camera with a serious expression. Her right hand is resting on a computer mouse. The background is a modern office interior with warm lighting, a black lamp, and some office equipment.

Эва Ричи

**Каскадный
сбой**

50 оттенков офисного разврата

18+

Эва Ричи

Каскадный сбой

<https://litres.ru/74594324>

SelfPub; 2026

Аннотация

В тридцатиэтажной башне «Мириум Групп» объявлена аппаратная изоляция. Связь с внешним миром мертва, базы данных заблокированы, а коридоры Сити погрузились в звенящий цифровой вакуум. Ночной каскадный сбой ломает все маски, превращая элитный офис в раскаленный капкан.

Варяги празднуют триумф. Циничный аналитик Тимур Назаров зажал ведущих продажников в тиски позорного компромата и заставляет их пахать на приморскую команду. Но под ровным светом ламп Денис и Кристина, глотая слезы унижения, уже планируют изощренную ночную месть. На тринадцатом этаже ГБР штурмует серверную, но питерский ревизор Ярослав выкладывает начальнику СБ Игорю такой ультиматум, который вынуждает сурового копа пойти на измену основателю империи. А на Directors-этаже Артур Борисович берет свою влюбленную юристку на кожаном диване, не зная, что утренним VIP-рейсом из Лондона уже летит его официальная невеста...

Содержание

От автора	4
Глава 1. Вспышка на ковре	6

Эва Ричи

Каскадный сбой

От автора

Внимание! Книга содержит сцены 18+ и высокий градус офисного накала.

Юридическая оговорка (Disclaimer):

Все персонажи, названия компаний, включая холдинг «Мириум Групп», и описанные события являются абсолютным вымыслом автора. Любые совпадения с реальными топ-менеджерами, юристами, сисадминами или элитными агентствами недвижимости столичного Сити – случайны.

Автор убедительно просит не использовать данное художественное произведение в качестве официального пособия по трудовому праву, тимбилдингу, продвижению по карьерной лестнице или сдаче годовой отчетности. Попытки повторить описанные в тексте действия на рабочих столах стоимостью от полумиллиона рублей могут повлечь за собой порчу казенного имущества холдинга, строгий выговор от Валентины Петровны, а также лишение премии в одностороннем порядке. Ни одна швабра и ни один сервер в процессе напи-

сания книги не пострадали. Приятного чтения!

Глава 1. Вспышка на ковре

– Устроим тройничок, передовики? – издевательский, вкрадчивый баритон Тимура Назарова прозвучал в запертом кабинете продаж как сухой выстрел в упор.

Приморский аналитик лениво подмигнул Кристине, убрал смартфон с раскаленным компроматом в карман сорочки и демонстративно остался стоять у косяка двери, заблокировав единственный выход из комнаты. Он даже не подумал отвернуться, предоставив москвичам ровно пять минут на позорные, лихорадочные сборы.

Эти минуты превратились для Кристины в сущий ад, выжигающий её женскую гордость до самого основания. Под ровным, безжалостным светом потолочных люстр, под ленивым и грязным взглядом Назарова она судорожно сползла с лакированного стола, слепо шаря ногами по ковролину в поисках слетевших туфель. Её трясло от оглушительного шока и подступающих к горлу слез. Тонкая кружевная ляпка её дорогих черных трусиков была безжалостно порвана Денисом в порыве страсти – натягивать их обратно под прицелом глаз варяга было невозможно. Сгорая от удушающего стыда, Кристина просто скомкала разорванный шелк в кулак и судорожно запихала его в глубокий карман юбки. Её бёдра и ключицы горели от пунцовых, свежих синяков, оставленных тяжелыми ладонями Воронова. Назаров прервал их на самом

пике, оставив лучшую отличницу отдела продаж практически раздетой, растерзанной и катастрофически, болезненно неудовлетворенной. Внутри неё до сих пор ныл и пульсировал раскаленный, неутоленный голод, смешиваясь с леденящей паранойей.

– А ты чертовски хороша в этом ракурсе, Кириллова, – вальяжно протянул Назаров, перекатывая за щекой мятный леденец и откровенно препарируя взглядом её обнаженную фигуру, пока она пыталась стянуть края разорванной блузки. Перламутровые пуговицы были выдраны с мясом, и серый шелк блузки беспомощно расходился, выставляя напоказ холмы груди в измятом лифе. – Подштанники, гляжу, Воронов тебе с корнем выдрал. Кружево знатное, дорогое. И следы на коже сочные, свежие. Сразу видно – москвичи загородные сметы грудью защищают. Одобряю.

Денис Воронов в этот момент напоминал закипающий ядерный реактор. Его сорочка была наспех заправлена в брюки, ремень застегнут, а на шее и груди полыхали рваные царапины от её ногтей. Мужчина проявил железную, титаническую выдержку стойка. Он буквально ломал собственные кости, скрежетал зубами и сдерживал бешеный кулак в полусантиметре от наглой физиономии Назарова только потому, что понимал: один удар – и этот портовый волк без сомнений нажмет «Enter», навсегда уничтожив карьеру Кристины. Денис шагнул вперед, полностью перекрывая Кристину от его грязных глаз своим массивным телом.

– Закрой рот, варяг, – со зловещим, раскаленным шипением выдохнул Воронов. – Дай ей одеться, или я тебя прямо здесь в ковровин закатаю, наплевав на твой телефон.

– Время пошло, гроссмейстеры. Пять минут, – Назаров цинично проигнорировал угрозу, крутя в пальцах поднятую с пола перламутровую пуговицу Кристины. – Вас Таисия Романовна в своем кабинете ждет. В одежде. Ну, или в том, что от неё осталось.

Спустя минуту они вышли в длинный коридор двадцать четвертого этажа. Холодный светодиодный свет Сити безжалостно подсвечивал их позор. Кристина шла ломаной походкой, лихорадочно прижимая локти к телу, чтобы удержать разорванный шелк блузки, и отчетливо, кожей ощущая под юбкой-карандашом абсолютную, порочную наготу. Денис попытался бережно перехватить её за локоть, чтобы поддержать, но Кристина в панике дернулась, отталкивая его руку сквозь зубы:

– Не трогай меня, Воронов! Не смей! Это ты во всем виноват... Ты сорвал пуговицы! Нас уничтожили, Денис! Нас растоптали!

Внутренний монолог Кристины превратился в хаотичный крик: *«Какая же я ничтожная сучка... Я отличница продаж, я полтора года строила из себя ледяную леди, а в итоге потекла от одного его взгляда, забыв про дедлайны! Ненавижу Назарова, ненавижу Шелест! И Артура Борисовича ненавидеть готова – бросил нас здесь без связи! Если это*

фото увидит директорат – мне конец. Это волчий билет на всю жизнь!»

Денис шел рядом, буравив взглядом спину Назарова, и его мысли были не менее страшными: *«Терпи, Кристина, господи, просто терпи... Я этого ублюдка приморского из-под земли достану. Я его за каждую твою слезинку и этот порванный шелк кровью умыться заставлю. Пуговицу он забрал... Посмотрим, как ты завтра утром запоешь, щенок портовый. Выгрызем мы эту Остоженку, Кириллова, слышишь? Выгрызем».*

Они подошли к двери нового кабинета Шелест в конце холла. Назаров со щелчком приложил мастер-карту к считывателю, открывая створку.

Кабинет нового руководителя Департамента продаж Таисии Шелест был залит ровным, холодным и безжалостным светом потолочных люстр Сити, не оставляющим полумраку ни единого шанса.

Таисия Романовна сидела в глубоком кожаном кресле за широким столом. Её ослепительно белый брючный костюм выглядел безупречно, без единой складки, подчеркивая её негибамую приморскую хватку. Её холеное, породистое лицо приморской фурии было неподвижным и ледяным, как маска инквизитора. Когда дверь со щелчком закрылась и Назаров ввел растрепанный московский конвой, Шелест медленно подняла голову.

Её расчетливые, сканирующие глаза высшего менеджера Сити мазнули по вошедшим, и на её лице на секунду отразилось чистое, безгловое удивление. Она ожидала увидеть паникующих отличников с распечатками графиков Остоженки, а перед ней стояла полураздетая, дрожащая Кристина, судорожно сжимающая края разорванной блузки, и бледный Денис со свежими, горящими царапинами на шее.

– Я не поняла, Воронов... Кириллова... – ледяным, вибрирующим от опасного гнева тоном произнесла Шелест, медленно откидываясь на спинку кресла. – Что здесь происходит? Вы почему в таком виде явились в мой кабинет? Я дала вам четкий, жесткий регламент – пахать до утра на благо холдинга и лично моей команды, чтобы вычистить Остоженку к утренней летучке! А вы посреди внезапного блэкаута устроили на моем этаже какой-то притон?

Кристина готова была сквозь землю провалиться под этим леденящим, высокомерным женским взглядом, её пальцы на разорванном шелке блузки мелко, панически задрожали.

– Таисия Романовна, минутку, – вкрадчиво, с издевательской бархатной хрипотцой прервал её Тимур Назаров, лениво проходя к столу. – Это нужно увидеть в деталях, чтобы оценить весь масштаб московского трудоголизма.

Назаров вальяжно достал из кармана сорочки свой смартфон, вытянул короткий черный кабель и напрямую, с сухим щелчком подключил устройство к личному планшету Шелест, лежащему на полированном дереве. Экран планшета

мгновенно моргнул, и прямо под прицел глаз приморской начальницы лег тот самый раскаленный, четкий и запредельно позорный снимок. В идеальном цифровом разрешении на столе полыхало эротическое безумие Кристины: её запрокинутая голова, обнаженные бёдра, сорванное бельё и тугая грудь прямо поверх смятых миллиардных чертежей Остоженки.

Таисия Шелест замолчала. Её глаза, впившиеся в экран, опасно сузились, а на кончиках губ медленно расплылась пугающая, порочная полуулыбка. Она лениво перевела взгляд на Кристину, препарируя её растрепанный вид с абсолютным, уничтожающим цинизмом высшего менеджмента.

– Надо же... Какая... глубокая маржинальность объекта, – издевательски протянула Шелест, и её бархатный голос прозвучал как удар хлыста в гробовой тишине кабинета. – А мне говорили, в Москве элитные продажи строятся на агрессивном маркетинге. А у вас, я гляжу, Кристина Дмитриевна, своя давняя, вышколенная привычка – на коленях подписывать документы и продавать дорогие объекты холдинга? Только графики вы зря своими ягодицами помяли, я цифры без вашей помады люблю.

У Кристины перехватило дыхание, а к горлу подступил горький комок тошноты и жгучего женского стыда. Её профессиональное эго было раскатано в тонкий блин. Она судорожно сжалась, слепо пытаясь спрятаться за широкое плечо Дениса и отчетливо, кожей ощущая свою абсолютную наго-

ту.

Денис Воронов сделал шаг вперед, полностью перекрывая собой Кристину, и его волевое лицо превратилось в каменную маску, готовую к штурму.

– Проект Остоженки готов, Таисия Романовна, – сухо, со скрежетом процедил Денис, буравя Шелест потемневшими глазами. – Все расчеты в буфере. А то, что ваш аналитик устраивает вуайеризм и шантаж в закрытых кабинетах – это прямое нарушение кодекса этики. Вы играете грязно.

– В Сити нет понятия «грязно», Воронов, – Шелест лениво постучала безупречным ногтем по экрану планшета, где Кристина извивалась под его телом. – В Сити есть понятие «уязвимость». И вы двое прямо сейчас – самая мягкая, пробитая дыра в московском офисе. Нам даже базы ваши качать не нужно. У нас на столе лежит готовый волчий билет для вашей элитной пары.

Денис Воронов сделал еще один шаг вперед, его массивная тень полностью накрыла полированное дерево стола, практически блокируя свет от планшета.

– Уберите кабель, Назаров, – со зловещим, раскаленным шипением процедил Денис, буравив Шелест мертвым взглядом. – Снимок останется на этом носителе. А с вами, Таисия Романовна, мы будем разговаривать строго в рамках дедлайна по Остоженке. До восьми утра проект будет сдан на центральный сервер.

Таисия Шелест даже не шелохнулась. Она лишь изысканно, с леденящим пренебрежением выгнула безупречно очерченную бровь и ленивым, отточенным движением руки вытащила из папки на краю стола плотный, заранее распечатанный бланк Дополнительного соглашения. Сухой лист бумаги с тихим, шуршащим звуком скользнул по лаку прямо к кулакам Воронова.

– До утренней летучки вы не дотянете, Воронов, – бархатным, но пугающе ровным тоном отчеканила Шелест. – И разговаривать на равных вы со мной больше не будете. В этой башне правила продаж теперь диктую только я. Фотография вашего... Остоженского триумфа полностью обнулила прежний сценарий. Мне больше не нужны такие ведущие специалисты в команде, Воронов. Мне нужны покорные, бесправные пешки.

Таисия Романовна наклонилась вперед, и холодный свет светодиодных ламп Сити зловещими бликами отразился в её расчетливых глазах:

– Условия просты, гроссмейстеры. Вы прямо сейчас подписываете этот допник. По нему вся концепция Private-консьержа Остоженки безоговорочно переходит под моё личное приморское авторство – перед Артуром Борисовичем и Питером за проект отчитываюсь я. Ваша закрытая VIP-база клиентов, которую вы собирали годами, аннулируется и полностью переписывается на мой департамент. А вы двое остаетесь в холдинге на испытательном сроке, без права на

процент от сделок, обязанные круглосуточно выполнять любые мои распоряжения. Без вопросов и субординации.

– Это грабеж, – Кристина судорожно, со слепым испугом выдохнула из-за спины Дениса, и её голос сорвался на дрожащий, надрывный фальцет отличницы, у которой заживо отбирали дело всей её жизни. – Это наша база... Наш проект... Мы пахали над ним месяцами!

– У вас ровно шестьдесят секунд, Кириллова, – Тимур Назаров цинично, нагло ухмыльнулся, перехватив черный турс кабель и покачивая в воздухе смартфоном с раскаленным компроматом. – Сеть в здании лежит, так что в Питер я этот снимок сейчас не отправлю. Но мне ничего не мешает прямо сейчас подняться на тридцатый этаж. Артур Борисович сидит в своем кабинете и очень ждет новостей по Остоженке. Как думаешь, Кристина Дмитриевна, через сколько секунд после того, как основатель увидит твою... маргинальность на его лакированном столе, твой пропуск в Сити превратится в тыкву? Он вышвырнет вас обоих с волчьим билетом еще до рассвета.

В запертом кабинете воцарилась гробовая, удушающая тишина, в которой был слышен лишь мерный, утробный треск неоновой логотипа за панорамным остеклением. Кристина стояла, лихорадочно прижимая локти к телу, отчетливо, кожей ощущая под узкой юбкой порочную наготу и сползающие капли пота.

Таисия Шелест медленно, с изысканным садизмом пере-

вела взгляд с экрана планшета на растрепанную, полураздетую Кириллову, препарируя её позор с ног до головы. Она лениво повернулась к Назарову, и на её холеных губах расплылась пугающая, порочная полуулыбка.

– Знаешь, Тимур... А ведь оно того стоило, Кириллова? – издевательски протянула Шелест, закручивая петлю их эротического унижения. – Стоило этот миллиардный статус Остоженки сливать ради... этого? Впрочем, Воронов действительно неплох. Назаров, скажи, у нас во Владивостоке мужчины с такой сумасшедшей выдержкой еще остались? Может, мне тоже стоит проверить на досуге, насколько Денис Романович хорош в комплаенсе, раз уж его так тянет на рабочие столы?

От этой фразы Кристину буквально вывернуло наизнанку от жгучего, парализующего женского стыда. Её профессиональное эго и гордость были растоптаны в тонкую, грязную пыль под безупречными туфлями Шелест. Ноги подкосились, а к глазам подступили раскаленные, злые слезы полного поражения. Она поняла, что зажата в тиски. Если Назаров пойдет к Артуру – её жизнь в Сити кончена навсегда.

Преодолевая тупую, ноющую боль внизу живота, Кристина судорожно сделала шаг вперед, выныривая из-за спины Дениса. Её пальцы мелко, панически задрожали, когда она слепо потянулась к столу и выхватила из стаканчика тяжелую матовую ручку.

– Кристина, нет! Не смей! – глухо, со стальным нажимом

вскрикнул Денис, пытаясь перехватить её руку.

Но Кириллова уже не слышала его. Сгорая от удушающего позора под безжалостными светодиодными лампами, она лихорадочно, размашистым дрожащим росчерком поставила свою подпись на бланке кабального соглашения, официально сдавая москвичей в приморское рабство. А затем, не выдержав этого параноидального кошмара, всхлипывая от злости и унижения, пулей бросилась к выходу из кабинета, судорожно придерживая локтями края разорванной блузки. Тяжелая створка двери с глухим стуком закрылась за её бегущей фигурой.

Денис Воронов остался стоять у стола один на один с варягами. Его лицо окончательно превратилось в ледяной, страшный гранит. Он молча перехватил ручку, наклонился и с такой силой впечатал свою подпись под строками соглашения, что стержень едва не пробил плотную бумагу. Мужчина выпрямился, буравя Шелест мертвым взглядом.

Тимур Назаров цинично ухмыльнулся, со щелчком пряча свой смартфон в карман сорочки, и небрежно смахнул со стола ту самую перламутровую пуговицу Кристины прямо себе в ладонь, зажимая её как трофейный сувенир.

– Свободен, гроссмейстер. Десять минут истекли, – с леденящим портовым оскалом выдал Назаров, лениво открывая ему дверь мастер-картой. – Иди, утешай свою отличницу. И помните: до утра вы пашете на Таисию Романовну над Остоженкой.

Денис Воронов, не произнеся ни единого слова, тяжелым, чеканным шагом вышел из кабинета в холодную пустоту холла. Тяжелая створка двери за его спиной наглухо закрылась, отсекая приморский штаб, а на часах холдинга застыло ровно 22:00.